

Дворцовые крестьяне Подмосковья во второй четверти XVIII века

(К вопросу об эволюции феодальной ренты в русской деревне XVIII в.)

С. И. Волков

Вопрос о превращении отработочной и продуктовой ренты в денежную форму — один из малоизученных вопросов истории русской феодальной деревни. Между тем значение этой проблемы очень велико: переход к денежному оброку был связан с глубокими изменениями в развитии производительных сил и производственных отношений, предвещавшими возникновение нового общественного строя. «Сначала спорадическое, потом все более и более совершающееся в национальном масштабе превращение ренты продуктами в денежную ренту, — говорит Маркс, — предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а вместе с ним и денежного обращения». Вместе с тем Маркс подчеркивает, что денежная рента «есть последняя форма и в то же время форма разложения»¹ феодальной ренты, фактически превращающая феодального крестьянина в простого арендатора. В России указанный процесс принял своеобразные формы и в силу ряда причин не мог завершиться до самой отмены крепостного права. Тем не менее у отдельных категорий крестьян, особенно в хозяйственно развитых районах, переход от барщины к денежному оброку нашёл ясное и полное выражение. Ярким примером этого явления может служить история подмосковных дворцовых крестьян, которые очень рано, ещё во второй четверти XVIII в., были переведены с отработочной на денежную ренту.

Дворцовые земли представляли собой разновидность частной собственности крупных феодалов. Дворцовые крестьяне принадлежали лицам царской фамилии, первым помещикам России. В XVIII в. дворцовых крестьян насчитывалось около полумиллиона душ мужского пола: по первой ревизии 1724 г., их было 402 361, что составляло 7,4% всего крестьянского населения, по второй и третьей ревизиям — соответственно 462 134 и 486 673 человека. Дворцовые владения были разбросаны по всей территории государства, главным образом в Московской, Нижегородской и Архангельской губерниях. В этих губерниях во второй четверти XVIII в. сосредоточилось более 75% всего дворцового крестьянского населения. В Московской губернии дворцовые владения были расположены преимущественно в Московском округе. Там были такие старинные вотчины, как сёла Коломенское, Измайлово, Покровско-Рубцово, Тайнинское, Братовщина, волости Хатунская, Гжелская, Черноголовская, Мячковская и др.

Крестьянские наделы были небольшими. В среднем они колебались от 0,8 до 1 десятины в поле на ревизскую душу. В близлежащих к Москве сёлах — Коломенском и Измайлово — на душу приходилось немногим больше 1 десятины в трёх полях. Наибольших размеров крестьянские наделы достигали в тех волостях и сёлах, где не было «десятинной» пашни². Например, в Черноголовской волости приходилось около 2 десятин в трёх полях на ревизскую душу³. Такое количество земли надо признать явно недостаточным. Ещё Посошков считал нормальным наделом пахотной земли для «полного» крестьянского двора при трёхполье около 6 десятин, или примерно $\frac{1}{2}$ десятины на душу в поле⁴.

Основными культурами, засевавшимися на крестьянских полях в подмосковных дворцовых сёлах, в те времена были рожь, овёс, ячмень, гречиха. Урожай были низкими: для ржи и овса — сам-два и сам-три, для ячменя — сам-три и сам-четыре. Низкие урожаи перемежались частыми недородами. Хлеба у дворцовых крестьян, как правило, не хватало, и им приходилось чуть ли не ежегодно брать ссуду из дворцовых запасов. Летом 1737 г. крестьяне Олховки, Протасова и Зворыкина Хатунской дворцовой волости писали в Хатунскую приказную избу: «Хлеба у нас, нижайших, нет никакова: пить, есть нечево, а купить не на што и от такой скудости скитаемся, а дети наши малыя едва живы», «от такой скудости многие и строения свои распродали»⁵. Аналогичные прошения в том же году подали 317 крестьян Хатунской волости. В мае 1739 г. 79 крестьян Хатунской волости в прошении в Главную дворцовую канцелярию писали, что из-за неурожая 1738 г. не имеют хлеба на семена и на пропитание, а «купить за совершенной скудостью не на что»; крестьяне просили о ссуде, «дабы за недачей на пропитание и на семена голодной смертью не умереть и паки в конец не разоритца». Подобное же прошение поступило от крестьян села Софьи-на.

Тяжёлое положение крестьян признавали и сами дворцовые власти. Так, в инструкции генерал-директору дворцовых волостей Розену, обследовавшему дворцовые волости² «Десятинной» пашней на дворцовых полях называлась земля, принадлежавшая дворцовому ведомству, то же, что барская запашка на частновладельческих полях.

³ ЦГАДА, ф. Дворцового отдела (ДО), оп. 10, д. № 30578, л. 17.

⁴ И. Посошков. Книга о скудости и богатстве. М. 1951, стр. 180—181.

⁵ ЦГАДА, ф. ДО, оп. 51, д. № 1678, лл. 5—36.

¹ К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1949, стр. 810, 811.

сти, пострадавшие от неурожая 1734 г., говорилось, что крестьяне «нигде столько недостатка не терпят, как в Московской губернии, что от худой и вспаханной земли никогда хлеб не родится, а в иных местах, хотя и родится, токмо за тесным расселением той земли надлежащим их участкам довольно их недостает и от того приходят в нищету»⁶. Одной из причин плохой урожайности было малое количество скота у крестьян. Так, по данным 1735 г., в селе Измайлове 41,8% и в Черноголовской волости 41,4% крестьянских дворов не имело скота. В целом по Московскому уезду бесскотные дворы составляли 14,5%⁷.

Наряду с крайне бедственным состоянием основной крестьянской массы из среды крестьян выделялись состоятельные крестьяне — откупщики мельниц и пустошей, скупщики хлеба и т. д. Так, например, крестьянин села Талежи, Хатунской волости, Евсеев Игнатов занимался перекупкой хлеба, овчины и шерсти. Зимой 1737 г. он купил у управителя Хатунской волости Г. И. Медведева 300 четвертей ржи по рублю, а крестьянам продавал летом по 1 р. 30 копеек⁸. Евсеев Игнатов был и откупщиком талежской мельницы. Помимо земли в Хатунской волости, он вместе с крестьянином деревни Вороново Кузьмой Степаныным владел 17,5 десятины пашенной земли в Замышской волости. Землю они купили у помещика С. И. Милославского в 1729 г. за 100 рублей⁹. Евсеев Игнатов держал двух работников, своих односельчан. Будучи одним из богатеев волости, он неоднократно занимал выборные должности. Это позволяло ему при переделах захватывать лучшую землю и больше нормы. Так, при переделе 1737 г. у него оказалось лишних 56 саженей под садом и пол-ошины под огородом. По показаниям крестьян, Евсеев Игнатов и членов его семьи не посылали на барщинные работы¹⁰.

Кроме зернового хозяйства, крестьяне ближайших к Москве сел, Коломенского, Люберец, Измайлова и других, разводили овощи, преимущественно капусту и огурцы. Крестьяне села Быкова и деревни Батюнино занимались рыбой ловлей, крестьяне Хатунской волости — пчеловодством. Но это не могло сколько-нибудь заметно изменить тяжелое положение маломощных крестьян.

Имущественное неравенство было лишь исходным моментом расслоения крестьянства. Главным в процессе расслоения крестьянства, по словам В. И. Ленина, являлось создание новых групп, новых типов сельского населения¹¹, складывавшихся на базе роста крестьянских промыслов и торгов.

⁶ ЦГАДА. Государственный архив, разр. XVI, д. № 184, лл. 32—33.

⁷ ЦГАДА, ф. ДО, оп. 8, д. № 41262, лл. 1—4.

⁸ Там же, оп. 51, д. № 1682, л. 13 об.

⁹ Так как крестьяне не имели права покупать землю, сделка была совершена на имя А. Г. Долгорукова, владельца Хатунской волости до 1730 года. Там же, оп. 8, д. № 42068, лл. 1—8 об.

¹⁰ Там же, оп. 51, д. № 1680, лл. 3—4 об.

¹¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 142.

Рост имущественного неравенства крестьян вел к вытеснению подмосковных дворцовых крестьян из деревни в город, следовательно, к созданию известного рынка рабочей силы. Усиленному отходу крестьян из подмосковных волостей способствовала близость такого крупнейшего торгово-промышленного центра, как Москва. Дворцовые подмосковные крестьяне шли на заработки в Москву и другие ближайшие города, а иногда и на Украину. Крестьяне стремились уйти подальше от дворцовой администрации. Отходы с паспортами или с «покормёжными письмами» превращались в своеобразное бегство крестьян от тягчайших вотчинных повинностей.

В отходничестве крестьян следует различать две стороны. Беднейшие крестьяне, не имея возможности вести своё собственное хозяйство и выполнять государственные и дворцовые повинности, стремились на заработки, нанимались в качестве рабочих людей на мануфактуры или «кормились чёрной работой». Зажиточные крестьяне, занимаясь торгами и промыслами, накапливали иногда большие средства и превращались в предпринимателей, пользующихся наёмным трудом.

В подмосковных дворцовых владениях ещё издавна были развиты домашние промыслы и ремёсла; одновременно с сельским хозяйством крестьяне занимались выделкой кож, изготовлением обуви, кузнечной работой, производством и окраской тканей и т. д. По подсчётам И. В. Мешалина, в 60-х годах XVIII в. около 62% крестьянского населения Московского уезда наряду с сельским хозяйством занималось домашней промышленностью¹². Подмосковные дворцовые сёла Измайлово, Покровское, Тайнинское были известны текстильным и позументным производством. Ещё по описи 1646 г., в селе Покровском насчитывалось восемь серебряников¹³.

В 1722 г. крестьяне села Тайнинского Матвей Фёдоров, Иван Васильев и Никита Фомин имели «позументный завод», крестьяне Иван Антипов, Прокопий Михайлов, Яков Фёдоров, Филипп Фомин, Пётр Данилов и Гаврила Мокеев «имели заводы волоочной и плащенной»¹⁴. Термин «завод» здесь надо понимать не в обычном смысле, а как заведение, мастерскую. Позументным промыслом в 30-е годы XVIII в. занимались крестьяне и дворцового села Братовщины. Так, работник позументной фабрики А. Спиридоновой Савелий Марков учился ткать у крестьянина этого села¹⁵. В Гжельской волости была развита керамическая промышленность. До середины XVIII в. там вырабатывалась обычная для того времени

¹² И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в. М.—Л. 1950, стр. 26.

¹³ Т. Г. Гольдберг. Очерки по истории серебряного дела в России в первой половине XVIII в. М. 1947, стр. 30.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 4, д. № 1, лл. 1—6.

¹⁵ И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 62.

гончарная посуда, а с 50-х годов стали возникать майоликовые «заводы». Гжельские изделия развозились по всей стране, особенно много — в Москву и на Украину¹⁶. В Гуслицкой волости, помимо широко распространённого занятия — разведения хмеля, — развились токарные промыслы¹⁷.

К 30-м годам XVIII в. старые ремесленные сёла Покровское, Тайнинское, Измайлово всё более становятся торгово-промышленными. По переписи 1715 г., 296 крестьян из сёл Покровского и Тайнинского проживало в Москве, занимаясь торговлей и промыслами. По описи 1722 г., 318 крестьян села Тайнинского жило в Москве¹⁸. За 10 лет (с 1725 по 1734 г.) из 634 оброчных крестьян села Покровского 134 человека, то есть около 20%, было записано в «купечество». В 1726 г. в Москве занималось торговлей и ремёслами 102 крестьянина сёл Покровского и Тайнинского, не записавшихся в посад¹⁹.

Крестьяне подмосковных дворцовых владений зачастую работали на фабриках как квалифицированные мастера, что говорит о большом развитии промыслов в их сёлах. Так, в 1722 г. на позументной фабрике И. Корчагина работало 9 подмосковных крестьян, преимущественно из села Коломенского и Александровской слободы, на «золотной и позументной» фабрике Милютина работало 10 подмосковных дворцовых крестьян, в большинстве из села Тайнинского. Все они были квалифицированными волощичиками золота и серебра²⁰.

В 1730 г. крестьяне села Измайлова в доношении в Главную дворцовую канцелярию писали, что многие их волости «крестьяне и крестьянские дети в прошлых годах, покиая тяглые свои жеребья впусе, и вышли з женами и з детьми самовольно, и живут на разных местах на заводах, а за них после их подушные деньги, дворцовые доходы и всякие зделья делают оставшие крестьяне с пуста, отчего пришли в крайнее разорение». Работали на разных фабриках и не несли тягла 173 человека, то есть 17% всего крестьянского населения Измайлова²¹.

В 1737 г. на московской полотняной фабрике И. Тамеса работало 23 подмосковных дворцовых крестьянина: 10 человек из села Измайлова, 4 — из села Тайнинского, 3 — из села Покровского, по 2 человека из сёл Коломенского, Троицкого-Голенищева и Софьино. Некоторые из них ушли из своих

сёл в 20-х годах XVIII в. и работали прежде на других фабриках: чулочной Милютина, Преображенской парусной и др.²². Подмосковных дворцовых крестьян мы встречаем также на шёлковых фабриках Афанасия Павлова, братьев Евреиновых, И. Францева, Анисеева, на шляпной фабрике М. П. Гусятникова, на суконной фабрике Андрея Еремеева, на фабриках Суроженинова, Заптрапезного, Докучаева, Петербургской позументной фабрики и др. Таким образом, значительная часть подмосковных дворцовых крестьян, не имея возможности кормиться сельскохозяйственным трудом и выполнять многочисленные повинности, оседала на долгое время на московских и иных фабриках.

С другой стороны, из подмосковных дворцовых крестьян вышли довольно крупные предприниматели, пользовавшиеся наёмным трудом. Некоторые из них уже окончательно порвали с крестьянским состоянием и стали гильдейскими купцами, например, купцы 1-й гильдии Е. Зайцев, Ф. Ретьков, Т. Ф. Карамышев, А. К. Гребенщиков. Другие, хотя и были порой не менее крупными предпринимателями, оставались крестьянами, продолжая платить подушную подать и дворцовый оброк. Такими были В. Зайцев, С. Полянский и др. Из купцов, выходцев из подмосковных дворцовых крестьян, имевших средний капитал, можно отметить крестьян села Беседы — Никиту Степанова и Андрея Кондратьева, деревни Батюнино — И. И. Сапронова, села Коломенского — В. Карягина, села Покровского — Михаила Ивадова. Они вступили в купечество в 1744—1745 гг., имели торг в среднем с годовым оборотом в 500 рублей²³.

О величии предприятий купцов — выходцев из крестьян — можно судить по следующим примерам. На парусной фабрике Карамышева в 30-х годах XVIII в. работала тысяча человек, из них 97 измайловских крестьян, которые в большинстве случаев имели определённую квалификацию: работали самопорядчиками, ткачами, чесальщиками и др. Годовую производительность своего предприятия Карамышев определял в 200 тыс. аршин²⁴. Парусина, вырабатываемая на этой фабрике, продавалась не только в Москве и Петербурге, но и за границей.

Крупным предпринимателем того времени был А. К. Гребенщиков. Он основал первый русский керамический завод — один из лучших в Европе в середине XVIII века. Выходец из села Тайнинского, А. К. Гребенщиков в 20-х годах XVIII в. был купцом гостинной сотни, занимался поставкой амуниции, скупкой недвижимой собственности в Москве. В 1724 г. он приобрёл в Алексан-

¹⁶ См. А. Б. Салтыков. Русская керамика XVIII—XIX вв. М. 1952, стр. 46—47.

¹⁷ «Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии». Вып. I. М. 1852, стр. 1.

¹⁸ ЦГАДА, ф. ДО, оп. 39, д. № 398, лл. 1—41.

¹⁹ ЦГАДА, ф. Канцелярии Правительствующего сената, кн. 936, лл. 175—195.

²⁰ Всего на фабрике Корчагина работало 64 человека, на фабрике Милютина — 63 человека. ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 2, д. № 271, лл. 9—13 об., 22—23.

²¹ ЦГАДА, ф. ДО, сп. 6, д. № 35023, лл. 1, 5—13; ф. Канцелярии Правительствующего сената, кн. 1068, лл. 452—457.

²² ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 4, д. № 109, лл. 7—8 об., 19 об., 22—25, 40 об., 48, 52, 54, 67—97; оп. 5, д. № 85, л. 1.

²³ Московский государственный областной исторический архив, ф. Городового магистрата, оп. 19, д. № 255, лл. 14—15 об.; д. № 254, лл. 178—179, 392—395; оп. 199, д. № 255, лл. 395—396.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 4, д. № 110, л. 109.

дровой слободе двор за тысячу рублей и черепичный завод на Калитниковском болоте за 200 рублей. В том же 1724 г. он открыл в Алексеевой слободе «ценнинную и табачных трубок фабрику». В 1725 г. на ней работало 15 человек, а в 1744 г.—41. Основными специалистами на фабрике Гребенщикова были гжельские дворцовые крестьяне. В 1747 г. на предприятии Гребенщикова впервые в России началось производство фарфора по рецепту сына А. К. Гребенщикова — Ивана²⁵. А. К. Гребенщиков в 40-е годы XVIII в. приобрёл 310 душ крепостных крестьян²⁶.

Владельцем крупной шёлковой фабрики был также выходец из села Покровского Еремей Зайцев. На его фабрике производилось товара на 7 тыс. руб. в год²⁷. Кроме этого предприятия, Зайцев имел торг на Новонемецком рынке. Так, в 1750 г. Зайцев купил пять лавок, харчевню, блинную и два погреба за 240 руб., причём, покупая, он обещал не продавать лавок и строений никому, кроме крестьян дворцовых сёл Покровского, Тайнинского и Александровой слободы²⁸. В 1723 г. оброчный крестьянин села Покровского В. Зайцев получил разрешение на постройку кожевенного «завода». На этом «заводе» в 1726 г. числилось вместе с мастером 17 рабочих. Предприятие было закрыто в 1744 г. «за размножением фабрики и за худым мастерством деланных на той фабрике товаров», а владелец предприятия, сын Василия Зайцева, из числа фабрикантов был исключён²⁹.

В 1738 г. оброчный крестьянин села Покровского С. Полянский, обвываявший капитал в 1 тыс. руб., завёл шёлковую фабрику. Там, кроме 14 ленточных станков, были «сновальня, на которой снуются на дело лент основы», и красильня. Работало на фабрике 12 наёмных рабочих, в большинстве дворцовые крестьяне сёл Покровского, Тайнинского и Александровой слободы. За половину 1743 г. мануфактура Полянского

²⁵ Современный исследователь истории русской керамики пишет: «Нигде в мире трудное дело создания фарфора не было выполнено так быстро и блестяще, как в России. В один и те же сороковые годы XVIII в. эта задача была решена вполне самостоятельно сразу тремя людьми, работавшими независимо друг от друга: молодым московским гоцхаром И. А. Гребенщиковым и двумя крупнейшими учёными — Д. И. Виноградовым, написавшим первый в истории науки труд по технологии фарфора, и М. В. Ломоносовым; факт, не имеющий аналогии в мировой истории керамического производства». А. Б. Салтыков. Первый русский керамический завод. М. 1952; его же. Русская керамика XVIII—XIX вв. М. 1952, стр. 5.

²⁶ Д. С. Бабурин. Очерки по истории мануфактур-коллегии. М. 1939, стр. 250.

²⁷ «Материалы по истории крестьянской промышленности». Т. II. М.-Л. 1951, стр. 307.

²⁸ ЦГАДА, ф. ДО, оп. 51, д. № 1958, лл. 5 об.—6; д. № 1247, л. 2 об., д. № 449, л. 15 об.

²⁹ «Материалы по истории крестьянской промышленности». Т. I, стр. 246.

произвела 6500 аршин лент на 515 руб., а в 1745 г., судя по рапорту владельца, могло быть произведено продукции на 1600 рублей. Однако и это предприятие просуществовало недолго. В 1745 г. его также закрыли «за нерамножением», а владельца исключили из числа фабрикантов³⁰.

В 1738—1739 гг. крестьянин села Тайнинского Т. О. Назаров просил Коммерц-конттору разрешить ему открыть платочную и ленточную фабрику. Он имел двор в Москве и две лавки в шёлковом и кишечном ряду. Оброчный крестьянин села Покровского И. Н. Соболев в 1747 г. содержал в Петербурге кожевенное предприятие³¹. Крестьянин Мячковской волости деревни Кольцевой И. К. Смирнов в 1757 г. просил разрешения открыть в Москве и Петербурге фабрики замши. На эти предприятия он имел возможность употребить капитал до 4 тыс. рублей³².

Подмосковные дворцовые крестьяне занимались также мелкой торговлей. Так, в 1736 г. 23 оброчных крестьянина сёл Тайнинского, Покровского и Александровой слободы, торговавшие на различных рынках Москвы, подали доношение в Московскую конттору Елизаветы Петровны с просьбой выключить их из двойного оклада, так как они платили подушную подать и в сёлах и в Московскую ратушу³³. Покровские крестьяне торговали на Новонемецком рынке, находившемся между селом Покровским и Новонемецкой слободой. Рынок этот подчинялся дворцовому ведомству. В начале 40-х годов XVIII в. свыше 42% торговых мест на рынке (37 из 87) принадлежало покровским крестьянам. Дворцовые власти сдавали рынок на откуп, причём обычно откупщиками были крестьяне села Покровского³⁴.

Ряд примеров даёт представление о величине торгов подмосковных дворцовых крестьян. Так, крестьянин села Тайнинского Андрей Титов с сыном Иваном имели торг в подошвенном и в юхотном ряду; Семён Андреев, Ефим Семёнов — в серебряном ряду на 200—500 руб.; Семён Гаврилов — в овощном ряду на 500 и более рублей; Давыд Борисов имел торг в завязочном ряду на 1 тысячу и более рублей. Так как они не были купцами, им предложили прекратить торговлю или записаться в купечество³⁵.

В 1742 г. крестьяне сёл Покровского, Тайнинского и Александровой слободы, жившие в Москве и занимавшиеся торговлей, обратились в Сенат с прошением. Они писали,

³⁰ А. Л. Шапиро. К истории крестьянских промыслов и крестьянской мануфактуры в России XVIII века. «Исторические записки». Т. 31, стр. 141; «Материалы по истории крестьянской промышленности». Т. II, стр. 296—302.

³¹ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегия, оп. 4, д. № 109, л. 1 об.; ф. Мануфактур-контторы, оп. 29, д. № 145, лл. 155—165 об.

³² «Материалы по истории крестьянской промышленности». Т. I, стр. 6.

³³ ЦГАДА, ф. ДО, оп. 51, д. № 1247, л. 2 об.

³⁴ Там же, д. № 449, лл. 23—24 об.

³⁵ ЦГАДА, ф. Канцелярии Правительствующего сената, кн. 936, лл. 175—195.

что платят подушную подать и дворцовые сборы наравне со всеми дворцовыми крестьянами, а также несут посадские повинности. Так как по указам 1722 и 1724 гг. велено записывать в посад торгующих крестьян, у которых капитал не менее 300 руб., а они такого капитала не имеют, то им торговать запрещают. Они просили разрешить им числиться в своих сёлах и выполнять лишь дворцовые повинности наряду с прочими крестьянами, а одновременно разрешить торговать в Москве и освободить от посадских повинностей³⁶. Отдельные дворцовые крестьяне торговали не только в Москве, но и в Петербурге, Риге, Саратове, на Украине.

Итак, крестьяне подмосковных вотчин постепенно втягивались в городскую жизнь, вели торги, занимались ремёслами, работали на фабриках, в отдельных случаях сами становились купцами и фабрикантами. Все эти явления можно наблюдать и в сёлах сравнительно удалённой от Москвы (на 80—100 вёрст) Хатунской дворцовой волости, хотя, конечно, и не в такой степени.

Хатунская волость во второй четверти XVIII в. имела весьма развитый кожевенный промысел. Перепись крестьян Хатунской волости 1737 г. даёт интересные сведения об этом промысле³⁷. Местные крестьяне уходили «с овчинным делом» на Украину; в год переписи таких крестьян насчитывалось 252. На Украину «для жнитва хлеба» шли не только мужчины, но и женщины. В Хатунской волости были распространены также гончарный, кирпичный и другие промыслы. Существовала определённая специализация промыслов по селениям. Так, гончары и кирпичники жили только в селе Хатуни, чистильщики кремней — в деревнях Коркове и Бавыкине, решетники — в деревне Самороково. Хатунские крестьяне вели также мелкую торговлю различными хлебными изделиями на местной торговой площадке.

Всё это происходило в условиях, далеко не благоприятствовавших развитию крестьянской промышленности и торговли. Инструкция управителям дворцовых волостей 1731 г., разрешая отходничество крестьян, предлагала им брать в таких случаях паспорта или «покормёжные письма» с обозначением срока отхода. За невозвращение в срок крестьяне подвергались наказанию³⁸. В то же время под давлением владельцев мануфактур шла усиленная борьба с мелким крестьянским производством. На 30—50-е годы приходится целая серия царских указов, ограничивавших развитие крестьянской промышленности. Ещё в 1722 г. ремесленники и крестьяне, проживавшие в

деревнях, лишались права торговать в городах³⁹. В 1723 г. был издан указ о высылке из городов на прежнее жительство дворцовых крестьян, не записанных в посад⁴⁰. В 1731 г. крестьянам запретили торговать в портах. В том же году им запретили брать подряды, за исключением найма подвод и судов⁴¹. В 1732—1734 гг. крестьянам было запрещено заводить суконные и амуничные фабрики⁴², в 1747 г. — производство шляп, а в начале 50-х годов несколько строгих указов запрещало вообще выработку промышленных товаров всем, кроме «настоящих фабрикантов»⁴³.

С конца 30-х годов XVIII в. борьба с безуказными производителями усиливается. Поддерживая требования содержателей шелкоткацких мануфактур, Коммерц-коллегия 25 июля 1739 г. постановила: «Всех тех, которые произвели и содержали поныне фабрики и мануфактуры, не имея указов от Коммерц-коллегии и от конторы, штрафовать отнятием у них деланных на их фабриках товаров и инструментов»⁴⁴. Затем последовал ряд доносов на «безуказных» производителей, среди которых были и подмосковные дворцовые крестьяне⁴⁵.

В середине 1746 г. содержатели «указных» фабрик жаловались на «безуказных» производителей, обвиняя их не только в безуказном производстве, но даже в смазывании с «указных» предприятий рабочих людей. В 1754 г. Мануфактур-коллегия запретила купцам покупать пестряди и полотна у «безуказных» производителей⁴⁶. Эта реакция правительства на растущий отход крестьян от земледельческих занятий была проявлением противодействия класса феодалов новым экономическим явлениям. Стремление дворцового правления сохранить во что бы то ни стало барщинные методы обслуживания дворцового хозяйства также тормозило развитие крестьянской промышленности и торговли. Однако мелкое крестьянское производство не только продолжало существовать, но даже расширялось. Обследователь шелкоткацкой промышленности Москвы писал в 1760 г., что он «безуказных» производителей довольно нашел в Покровском, Лефортове и Семеновском»⁴⁶.

Дворцовое хозяйство достигло наибольшего расцвета во второй половине XVII в., когда в ведении Тайного приказа сосредоточились дворцовые владения с довольно крупным предпринимательским хозяйством. В нём применялись улучшенные орудия и приёмы ведения хозяйства, разводились не только обычные для Подмосковья культуры — рожь, овёс, ячмень, яровая пшеница, — но и сравнительно редко встречавшиеся в этих местах полба, просо, озимая пшеница и конопля. В подмосковных дворцовых владениях имелись

³⁶ Одновременный платёж посадских и дворцовых сборов был следствием указа 13 апреля 1722 г., по которому крестьяне, записавшиеся в посад, должны были платить одновременно подушную подать, дворцовый оброк и выполнять посадские повинности, как и все посадские люди. ПСЗ. Т. XI, № 8608.

³⁷ ЦГАДА, ф. ДО, оп. 51, д. № 1585.

³⁸ С. И. Волков. Инструкция управителям дворцовых волостей 1731 г. «Исторический архив». Т. VI, стр. 190.

³⁹ ПСЗ. Т. XII, № 9372.

⁴⁰ ПСЗ. Т. VII, № 4398.

⁴¹ ПСЗ. Т. VIII, № 5789, п. 2, ст. 2.

⁴² ПСЗ. Т. VIII, № 6252; Т. IX, № 6551.

⁴³ И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 47.

⁴⁴ Там же, стр. 61—63.

⁴⁵ Там же, стр. 64.

⁴⁶ Там же, стр. 47.

крупные скотные дворы, где были редкие для того времени в этой полосе холмогорские коровы. Фруктовое хозяйство подмосковного села Измайлова считалось образцовым. Дворцовое хозяйство имело также предприятия обрабатывающей промышленности: два стекольных завода (в Измайлове и в селе Воскресенском, Черноголовской волости). В Измайлове существовали также винокурня, пивоварня, маслобойня, солодовня, медоварня и кирпичный завод. Производились попытки изобретения машин. Так, в середине 60-х годов крестьянин Моисей Терентьев сделал модель молотилки, в то время как в Западной Европе первая модель молотилки появилась лишь сто лет спустя⁴⁷. На дворцовых работах, помимо труда местных крестьян, отбывавших натуральную повинность, применялся и вольнонаёмный труд⁴⁸.

К середине XVIII в. дворцовое хозяйство пришло в упадок. Площадь «десятинной» пашни в подмосковных дворцовых владениях сократилась, основными культурами стали рожь и овёс. Дворцовые скотные дворы опустели. Поэтому навоза — основного вида удобрения — не хватало; его принудительно брали у крестьян, считываясь с ними соломой. Малое количество скота, рутинная техника и связанное с этим истощение почвы были главными причинами низкой урожайности. Дворцовая администрация в своих инструкциях и распоряжениях уделяла достаточное внимание ведению полевого зернового хозяйства. Так, инструкция 1731 г. предписывала необходимость глубокой вспашки земли, отбора зерна для посева, очистки полей от горных трав и т. д.

Однако это не помогало. Урожай с подмосковных дворцовых полей собирался низкие, недороды тогда были хроническим явлением.

Доходность полевого хозяйства на дворцовых землях с души мужского пола была ничтожной. Так, по данным за 1744—1749 гг., она равнялась в среднем 15 коп., а в некоторых сёлах — 3—6 копейкам⁴⁹. При таком положении перевод крестьян с барщины на денежный оброк был более выгодным и объективно неизбежным явлением.

Дворцовое управление пыталось преодолеть упадок крепостнического хозяйства, усиливая внеэкономическое принуждение с помощью бюрократического вотчинно-административного аппарата. Усиление феодального гнёта сопровождалось всевозможными

злоупотреблениями дворцовых властей, насилием и издевательством над крестьянами. Крестьяне отвечали на это челобитными в высшие правительственные учреждения, неуплатой в срок денежных и натуральных сборов, а иногда и отказом от уплаты, массовыми уходами в город на заработки с паспортами и без паспортов, бегством и т. д.

Будучи не в состоянии приостановить упадок хозяйства, дворцовые власти к концу первой половины XVIII в. стали искать выход из создавшегося положения в ликвидации изжившей себя барщины, в переводе крестьян на денежный оброк. До начала 30-х годов XVIII в. дворцовые крестьяне платили подушную подать в размере 70 коп., дворцовый оброк — в среднем 51 коп. с души, пахали «десятинную» пашню, поставляли «посопный» хлеб, дрова, столовые запасы, наряжали косцов, производили различного рода дворцовые работы и т. д.

В конце 1731 г. главная дворцовая канцелярия предложила отменить прежние оклады «разнозачетных доходов» с дворцовых волостей и сёл и обложить всех дворцовых крестьян, кроме тамбовских и смоленских, оброком по 40 коп. с души. Многочисленные повинности в пользу дворца должны были переводиться на деньги и входить в счёт 40-копеечного дворцового оброка. В конце 40-х — начале 50-х годов произошли серьёзные перемены в составе повинностей дворцовых крестьян. В феврале 1750 г. главная дворцовая канцелярия сверх обычного четырёхгривенного дворцового оброка объявила новый, 5-копеечный сбор «про обиход высочайшего двора»⁵⁰. Это ускорило переход от смешанной формы ренты к денежному оброку.

В 50-х годах крестьяне подмосковных дворцовых сёл были переведены на денежный оброк, а в 60-х годах то же произошло с крестьянами остальных дворцовых владений. «Десятинная» пашня в подмосковных дворцовых волостях сохранялась к 1769 г. лишь в бывших владениях Елизаветы Петровны: в сёлах Покровском, Тайнинском и Александровой слободе. «Десятинная» пашня сохранилась также в сёлах Красном и Рождественском, Ингерманландской губернии, и в местечке Понурицы на Украине⁵¹.

Ликвидация дворцовой «десятинной» пашни и переход на денежную ренту явились, по существу, началом распада барщинного дворцового хозяйства, началом разложения феодально-крепостнического хозяйства. История дворцовых крестьян Подмосковья показывает, что, вопреки установившемуся мнению, уже во второй четверти XVIII в. шёл процесс имущественного расслоения крестьян и обращения их к торгово-промышленной деятельности.

⁴⁷ Н. С. Стромиллов. Измайлово — первая царская ферма в XVII в. «Сельское хозяйство и лесоводство». СПб. 1872. № 55, стр. 10.

⁴⁸ Во время жатвы одних наёмных жнецов было до 700. А. И. Заозерский. Царская вотчина в XVII в. М. 1937, стр. 106.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. ДО, оп. 11, д. № 31149, лл. 20—23, 87—114.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. ДО, оп. 10, д. № 30165, л. 1.

⁵¹ В. И. Семейский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II. Т. II. СПб. 1901, стр. 18—19.